

Религия — краеугольный камень охранения

Варшава, 11 января.

Религия, преобладающая в каком-нибудь народе, вот краеугольный камень охранения прочного и действительного. Когда веришь, тогда знаешь, во имя чего стесняешься и для чего (быть может, и с невольным ропотом нередко, но без гордого и явного протеста) переносишь лишения и страдания...

Вообразим себе, что все миллионы людей беднейшего класса, составляющего большинство во всех государствах, отказались от религиозных преданий, в которых темные толпы их предков прожили века; вообразим себе, что все без исключения подданные какой-нибудь державы говорят о "правах человека", о "равенстве и свободе", о "достоинстве", о том, что земля обращается около солнца в 365 дней и столько-то секунд... еще о том, что есть, положим, *какой-то* Бог (*unDieu des bonnes gens!* — как пел Беранже), а подати все-таки велики при этом и т. д.

Желали бы мы знать, какие *принципы* могут противопоставить грозным требованиям подобной, "цивилизованной по-нынешнему" толпы те охранители, которых обыкновенно зовут умеренными либералами?..

Консерватизм чисто экономический, так сказать, лишенный религиозного оправдания, в нравственной немощи своей, может отвечать на требования анархистов только *одним насилуем*, картечью и штыком... Мы это и видим давно в истинно *передовой* стране Запада, во Франции.

Там давно уже нет никакого общеидеального принципа, вознесенного над всею нацией... там периодически, лет через 15—20, возобновляется борьба между капиталом и трудом, и капитал еще недавно, в образе Тьера и рукой Мак-Магона, победил восстание недовольного труда. Мы признаемся откровенно, что не можем даже и притвориться сочувствующими той или другой стороне. Для нас одинаково чужды и даже отвратительны обе стороны — и свирепый коммунары, сжигающий тюильрийские сокровища, и неверующий охранитель капитала, республиканец-лавочник, одинаково враждебный и Церкви своей, и монарху, и народу... *Мы не понимаем даже вовсе того психического процесса*, под влиянием которого действуют эти люди прогресса, — *либерального только снизу вверх*... Этот психический процесс нам чужд и ненавистен до фанатизма... Из целой французской нации, столь жестоко пострадавшей в последнюю войну, в нас возбуждал несколько более сожаления только сам пожилой, больной и низверженный император, излюбленный избранник этой самой ползавшей перед ним буржуазии, которая во дни унижения и заслуженного позора своего срывала на прежнем кумире своем досаду своей собственной пустоты!.. Мы не понимаем ни жалких слез, пролитых в кабинете Бисмарка на днях перешедшим в вечность, отвратительным Жюль Фавром; нас не трогают патриотические хлопоты старого Тьера; мы постичь не можем "дурной вкус" либеральной Франции, предпочитающей теперь Гамбетту и Гриви родовым своим королям и избранным цезарям...

Александровы, Гриви или Гамбетты (это ведь все равно) хороши на своем месте, *когда нам нужно выиграть процесс...* И только!.. Мало ли кто мне нужен, — но как я, русский человек, могу понять, скажите, что *сапожнику* повиноваться легче, чем *жрецу* или *воину*, жрецом благословенному?..

"Но это ведь Франция, *безумная* Франция! Что нам за дело до внутренних порядков Франции"!.. Не правда ли?.. "У нас есть Верховная Власть, — вы скажете, — мы чтим ее глубоко, мы повинемся ее помощникам и слугам, мы везде, в речах, в статьях только и говорим *о единении у нас Царя и Его народа*".

"О! да не возглаголят уста мои дел человеческих"... Вопрос не в том, что вы говорите и даже чувствуете (особенно теперь, когда грозные генералы и энергические полицеймейстеры понадобились вам для защиты ваших денег и очагов семейных); вопрос гораздо глубже. *Вопрос в великих исторических течениях века.*

Давно было сказано и признано всеми, что Франция — *передовая* страна... *Передовая* — это не значит *лучшая*; в наше время это, напротив, значит — *худшая*... Идти *скоро*, идти *вперед* — не значит непременно к высшему и лучшему... Идти все вперед и все быстрее можно к старости и смерти, к бездне. Даже несомненное, улучшение некоторых сторон быта и нередко самой нравственности не спасает государство от гибели... Дисциплина *национальных нравов* для обществ спасительнее самых привлекательных качеств *общечеловеческой нравственности*...

Многие думают, например, что в последние века Рима господствовали только жестокость, сладострастная роскошь и разврат. Но это ошибка... Рядом с этими пороками распространялось христианство, в течение нескольких веков, в среде *тех же римских граждан*... Христиане не выселялись никуда, не выделялись из остальной массы римлян; они принимали, несмотря на временные гонения, участие во всех явлениях общественной, семейной и государственной жизни... они *должны были* вносить во всё свои более высокие, более добрые, идеальные вкусы и понятия... они влияли в семьях на самих язычников. Но, увеличивая, по всем вероятностям, в римской среде количество добрых чувств и высоких поступков, они все-таки более, нежели кто-либо, своею *общечеловеческою* нравственностью *ускоряли расторжение уз собственно римской дисциплины*... Дисциплина же христианская укоренилась *впоследствии* на берегах византийского Босфора...

Итак, говорим мы, даже и действительное улучшение некоторых сторон человеческой жизни и самой человеческой души — не обуславливает непременно пользу общества и крепость государства. Гриви, может быть, и *честнее* Наполеона I, но положение Франции было бы теперь иное, если бы она, уже изнуренная демократизацией, могла бы произвести что-либо великое, подобное Наполеону...

Но в новейших движениях века мы не видим даже и нравственного несомненного улучшения... Оно и понятно. Если Божественная истина

Откровения не могла (и не *претендовала*, заметим, *никогда*) уничтожить зло и безнравственность на этой земле, а только обещала этот рай под *новым иным небом*, то что же могут существенного сделать все бедные Жюль Симоны, Вирховы, Шульце-Деличи, все эти люди, которые, по выражению одного западного писателя, носятся всюду с какою-то "marotte humanitaire de peu de consequence"...

Самые даровитые и влиятельные из этих людей должны считать за счастье, если они, в мире нравственных страданий и экономических невзгод, достигают на короткое время того результата, которого достигает в мире болезней медицина. По словам Пирогова, "самые хорошие врачи едва-едва колеблют среднюю цифру смертности"!

Итак, что же? Где же Франция? И зачем явилась на миг эта страна, так плачевно упавшая в течение какого-нибудь полувека с непрочных, но пышных и величавых подмосток эгалитарного цезаризма в смиренные объятия почтенного Гриви?!

Нет! Не на миг перед мысленными очами нашими должна являться эта обреченная на гибельную передовую роль европейская нация! Россия должна глядеть на нее пристально: оттуда скоро польются, может быть, снова потоки грязи и петролея...

Франция — это исторический "центр Европы"... Ее первый король (Хлодовик) решил мечом борьбу арианства с Православием в пользу последнего. Ее император (Карл Великий) создал окончательно папизм и отделил католичество раз навсегда от византизма... Французские рыцари впереди всех других шли на защиту Гроба Господня... Победа монархии над феодальностью дворянства была во Франции одержана скорее и решительнее. *Новый быт, новые моды и обычаи* нигде не нашли себе такого изящного и заразительного выражения, как при дворах французских королей... В нетерпеливой Франции впервые свершилась революция во имя тех самых "прав человека", о которых в других странах тогда только немногие думали... В этой же Франции раньше и яснее, чем в Англии, Германии, Италии, обнаружилось печальное плоды восторженных порывов вооруженной либеральности, обнаружилась та истина, что вслед за падением сословного строя должно воцариться господство денег и мелкой учености, грубая *плутократия* и болезненная, робкая *грамматократия*... И в этой же стране впервые явилось как *реакция* противу господства либеральной и оппозиционной плутократии учение *экономического равенства*, учение вначале мечтательное и кроткое, а позднее взявшее в руки ружье, динамит и револьвер...

То, что мы пишем, вовсе не ново. Все это очень старо; все это гораздо и пространнее, и лучше нашего было сказано все в той же *передовой* Франции отчасти мыслителями крайней левой стороны, отчасти защитниками феодальных порядков и церкви. Жозеф де Местр и Прудон одинаково победоносно доказывали всю несостоятельность умеренного либерализма, всю его недостаточность и все ничтожество мещанских конституций. Но все

это забыто: в России теперь как бы некогда и некому мыслить серьезно и внимательно читать...

А кто мыслит читая и читает с размышлением, тот молчит где-нибудь в своей деревне или в московском доме, пожимая плечами...

Итак, что ж делать?.. Неужели все погибло! Франция — "центр Европы"!.. Париж — столица мира!..

Все сделают позднее то же, что и Франция... Во что же верить?.. Чего ждать?.. Предаться роковому течению?..

Нет! Нет! Тысяча раз *нет!*.. Если бы мы не верили в возможность *основных* изменений в русских понятиях, и мы бы молчали...

Мы верим, мы имеем смелость верить, что Россия еще может отстраниться от западноевропейского русла...

Мы еще верим в силу *русского охранения* и в свежесть русского ума!

Неужели этот *ум* не постигнет, наконец, что Европе более не в чем завидовать; что ложь дальнейшего демократического и либерального прогресса уже слишком груба... что *идея* этого прогресса ненаучна, что идеал его неизящен и невысок, ибо всеобщее равенство и всеобщая равноправность убийственны для разнообразного развития духа и свойств людских...

Неужели мы не поймем, наконец, что афонский монах или набожный московский купец, которые говорят: Бога *бойтесь*, Царя *чтите*, и при слухе о надеждах прогресса, с удивлением и неверием пожимают плечами, гораздо более — реалисты, гораздо ближе к реальной истине, чем те европейцы, которые какой-то *свободой без страха* хотят *дисциплинировать* государства...

Берегитесь! Близок страшный час... Откуда может начаться пожар в Европе, мы не знаем, но пламя таится под пеплом.

Нам нужно заранее закалить наши силы терпением и *любовью* к предрержащим властям за то уже только, что *они Власть*, той любовью, которая дается страхом Божиим и верой...

"Начало премудрости есть страх Божий, *плод же его любви*"...

Поменьше о "достоинстве человека европейца", ради Бога! Поменьше о благе всего *человечества*... Поменьше о *постепенности* даже... Поменьше и о той *любви без страха*, того христианства а l'eau de rose, которым иные простодушно морочат и себя, и нас...

Нет! Христианство есть одно, настоящее... Это Христианство — монахов и мужиков, просвирен и *прежних* набожных дворян.

Это великое учение, *для личной жизни сердца столь идеальное* (столь нежное даже!), *для сдерживания людских масс железной рукавицей столь практическое и верное*, — это учение не виновато, что *формы* его огрубели в руках людей простых... Не Истина виной тому, что более образованные люди почти все забыли эту Истину в погоне за миражом прогресса.

Религия в общественной жизни подобна сердцу в организме животном. Это *primum vivens, ultimum moriens* нации.

Пока религия жива, все еще можно *изменить* и все спасти, ибо у нее на все есть ответы и на все утешения. А где нет утешений, там есть кара и принуждение, оправданные не притворными фразами "горькой

необходимости" и т. п., а правом Божественным, вполне согласным с законами вещественной природы, ненавидящей равенство!